

Для твоё
РОССИЯ

А. Богданов

Непобедимый
СУВОРОВ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва
2012

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА*

Художник Геннадий Метченко

Богданов А. П.

Б734 Непобедимый Суворов. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 120 с.: ил. — (Имя твое Россия).
ISBN 978-5-88017-233-7

О русском полководце А. В. Суворове написано немало воспоминаний, биографических, исторических и даже художественных книг. Цель нашего издания — представить читателям подлинный облик русского православного полководца, человека глубоко нравственного, проникнутого любовью к Богу и ближнему, способного искренне возлюбить врага и стремящегося превратить его в друга. Книга основана на подлинных источниках, что позволяет каждому самостоятельно разобраться в реалиях того времени, отличить факты от легенд и вымыслов.

УДК 242
ББК 86 372

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2012
© А. П. Богданов, текст, 2012
© Г. И. Метченко, оформление и макет, 2012

ISBN 978-5-88017-233-7

НИКОМУ НЕ РАВЕН

Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключил доброе имя мое в славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию.*

Непобедимого русского полководца Александра Васильевича Суворова знают все. Вернее, все думают, что знают его. Но легко ли понять человека, отдавшего жизнь служению Богу и Отечеству, полководца, ставившего на первое место доброе имя и незапятнанную совесть, требовавшего от солдат милосердия и человеколюбия, наконец, государственного деятеля, руководимого любовью к ближнему?

В обыденной жизни непросто бывает исполнять церковные правила, например держать пост. Не каждый может найти в себе силы соблюдать христианские заповеди, особенно ту из них, что призывает возлюбить своего врага. А если перед нами враг, до зубов вооруженный, враг иноверный, враг жестокий и беспощадный?! Можно ли воевать, храня в сердце христианскую любовь к противнику, превыше всего ставя добрый и справедливый мир?

Нравственный пример Александра Васильевича свидетельствует, что это возможно. Не будет преувеличением сказать, что его победы над противником были торжеством веры в Бога и любви к человеку.

И все же: как рассказать об этом великом подвижнике?

* Эпиграфы принадлежат перу А. В. Суворова.

ДЕТСТВО

Жизнь короткая, а наука длинная.

Сам Суворов, сознавая трудность этой задачи, так говорил в свое время художнику, который писал его портрет: «Ваша кисть изобразит черты лица моего — они видны, но внутреннее человечество мое скрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего: во всю жизнь мою никого не сделал несчастным, ни одного приговора на смертную казнь не подписывал. Ни одно насекомое не погибло от руки моей».

Александр Васильевич был смиренен перед Богом, но понимал свое исключительное место среди людей. «Обманет меня всякий в своем интересе; надобна кому моя последняя рубашка — ему ее отдам, останусь нагой; чрез то еще не мал, — писал он в своих дневниках. — ...Без денег, без мызы и сада, без экипажа и ливреи, без банкета... без друзей и без гласа — никому не равен, желать ли мне быть равным? Какая новая суета — мне неведома! Без имени я получил имя свое. Судите — никому не равен».

Александр родился 13 ноября 1730 года в Москве в благочестивой богобоязненной семье. Отец его, Василий Иванович, не мог похвастаться древностью рода: предки были в XVII веке подьячими, служили в московских центральных ведомствах — приказах. Мама Александра, Авдотья, происходила из той же среды. Дедушка его по материнской линии, Федосей Мануков, был служащим приказов, а затем офицером Преображенского полка. Его фамилия, близкая армянской фамилии Манукян, дает основания предполагать, что Александр получил от мамы часть армянской крови. Это возможно: в Москве XVII века жило немало армян. Прадед Александра, Семен Мануков, был православным, он служил подьячим в Монастырском приказе. Суворовы и Мануковы были сподвижниками Петра I, помогали царю формировать гвардейские полки новой русской армии.

В 1705 году Петр I стал крестным отцом Василия Ивановича. В молодости отец Суворова учился военно-инженерному делу за границей. Вернувшись, он служил денщиком и переводчиком у Петра I. После кончины императора Василий Иванович дослужился до чина унтер-офицера Преображенского полка. Василию Ивановичу Суворову были свойственны честность и неподкупность — качества редкие среди чиновников и вельмож того времени. Он тянулся к наукам, научился говорить и читать на восьми языках и всю жизнь занимался самообразованием. Императрица Екатерина Великая, общавшаяся со знаменитыми учеными Европы, почитала Василия Ивановича человеком весьма образованным. «Я питала к нему огромное доверие, — отмечала императрица, — и никогда не произносила его имя без особого уважения». Лучшие свои качества: любознательность, бережливость, честность и пунктуальность в делах — Василий Суворов передал своему сыну.

Местом рождения Александра считают каменный особняк на Арбате, недалеко от Серебряного переулка, возле церкви Николы Явленного. Родители Суворова получили его от Федосея Семеновича Манукова, деда Александра. Вероятно, в Никольском храме младенец и был крещен

в честь святого благоверного князя Александра Невского, память которого празднуется 23 ноября (6 декабря по новому стилю). Выбор имени святого защитника Руси оказался пророческим.

Суворов всей жизнью доказал истинность слов своего святого покровителя: «Не в силе Бог, но в правде». Он был уверен, что победа даруется благочестивому человеку, который сражается за правое дело. При поражении, особенно русских войск, он указывал главную причину — отступление военачальников и подчиненных от добродетели. «Без добродетели, — говорил Суворов, — нет ни славы, ни чести». Александру, как и святому князю, предстояло показать миру, что не многочисленное воинство, а твердость духа и искренняя вера даруют победу на поле брани.

В добродетели и благочестии воспитывали родители будущего полководца. С раннего детства мать брала Александра в храм, где он впервые услышал слова молитв, которым учил потом солдат. С детства всякое дело Суворов начинал с того, что испрашивал помощи Божией. Часто, а по большим праздникам непременно, посещал церковь. И даже просто проезжая мимо Божиего храма, всегда останавливался и совершал крестное знамение. На поле боя Суворов брал священников и походный алтарь для совершения Литургии (об алтарях для армии заботился его отец). Воскликание, которым Суворов ободрял армию: «Мы русские! С нами Бог!» — было наполнено для православного полководца и его солдат глубоким смыслом.

В детстве Александр пел в церковном хоре. Петъ по нотам дети учились вместе с чтением и письмом. Читать своего сына мама, скорее всего, учила по Псалтири, хотя Букварь в знакомом нам виде был уже создан и не раз издан. Тогда считали, что учиться чтению лучше по знакомым текстам, каждое слово которых ребенок умеет произносить. За чтением следовало письмо: его полагали отдельным искусством. Завершалось начальное образование арифметикой: от простого счета до таблицы умножения.

С пяти лет обучение перешло в ведение отца. Василий Иванович познакомил сына с началами геометрии и алгебры, военными дисциплинами — фортификацией, артиллерией, военной историей. С изучением греческого, латинского и других иностранных языков перед Александром открылся необъятный мир книг. Чтение полностью поглотило любознательного мальчика. Священное Писание и труды отцов Церкви соседствовали на полках книжных шкафов с «Илиадой» Гомера и сочинениями Аристотеля. Александр увлеченно читал воинские уставы

и сочинения полководцев: от «Записок» Юлия Цезаря до мемуаров выдающихся людей своего века — Евгения Савойского, маршала Тюрэнна и Морица Саксонского.

Повзрослевшего мальчика интересовали научные труды Ломоносова, Локка, Лейбница и Монтескье. Православных убеждений Александра не ослабило изучение губительных для незрелых душ взглядов Вольтера и французских материалистов. Не чурался он читать в часы досуга и современные ему пьесы, журналистику, басни Лафонтена и популярные романы (включая модного Филдинга). Эти книги развлекали Суворова, не увлекая его на стезю порока.

Александр Васильевич поражал собеседников глубиной познаний в самых различных областях. Полководец владел восемью иностранными языками, осваивая новые наречия с изумлявшей его окружение легкостью. Свободно говорил и писал он по-французски и немецки, в том числе и стихи. В перерывах между сражениями выучил итальянский, польский, турецкий языки. «Я всегда был бережлив и трудолюбив с драгоценнейшим на земле сокровищем, с временем... которым всегда умел пользоваться», — отвечал Суворов на вопрос, как ему удавалось овладеть столь обширными знаниями.

Мальчику было десять лет, когда семья переехала в дом на берегу Яузы, в Покровской слободе. Вместе с родителями он стал прихожанином церкви Святителя Николая Чудотворца.

Свежий воздух и просторы загородной слободы были избраны родителями Александра не случайно. Ребенок рос болезненным. Мечтая защищать Отечество, Суворов закалял себя постоянно. Он обливался холодной водой, в любую погоду, хоть под проливным дождем, скакал на коне, всю жизнь ел простую и здоровую пищу, ходил в одном мундире, не надевая ни плаща, ни шубы, ни перчаток. О его выносливости

рассказывали легенды. Правда, письма Суворова свидетельствуют, что неутомимость полководца была связана с упорным преодолением недугов и последствий множества ранений.

Суворов поздно поступил на службу и почти всегда был намного старше своих соратников. Но малый рост, щедрое телосложение и физическую болезненность не могли изменить никакие тренировки. Что он поистине хорошо в себе воспитал, так это умение, стиснув зубы и не подавая вида, переносить чрезмерные для него нагрузки и преодолевать лишения. Временами болезни и раны буквально валили Александра Васильевича с ног. Но едва поднявшись с постели, он реализовал свои планы с удвоенной энергией.

Стремительные марши, которые совершали по бездорожью, грязи и мокрому снегу его войска, давались Суворову намного тяжелее, чем его солдатам и офицерам. Лишь силой духа он заставлял себя не отставать, быть впереди и ободрять товарищей. В Швейцарском походе через суровые Альпы, когда молодые и крепкие солдаты падали от усталости, голода и холода, шестидесятидевятилетний Александр Васильевич был уже

смертельно болен — и только поэтому позволил везти себя на повозке, а не шел вместе с солдатами.

Аскетизм был для полководца основой жизни. Не давая монашеских обетов, он всю жизнь не позволял себе вкусно есть и мягко спать. Постелью Суворову служила жесткая походная кровать, которая стояла и в его палатке, и во дворцах, где ему случалось жить. В пищу он употреблял в основном каши, иногда добавляя рыбу или мясо; строго соблюдал посты, советуя солдатам для здоровья поститься и в неурочное время. Питьем ему служили квас и ягодные напитки. Солдатам был предписан алкоголь, но Суворов и в этом себя ограничивал: принимал одну анисовую настойку, и то лишь в качестве лекарства.

Под офицерской формой будущий генералиссимус носил простое солдатское белье. В сражениях он нередко снимал сковывающий его щедрое тело мундир и оставался в одной рубашке. Суворов предпочитал под седло низкорослых казачьих лошадей: крупную лошадь его короткие ноги не могли крепко обхватить. Конечно, Александр Васильевич мог позволить себе и роскошные одеяния, и породистых (при этом небольших) арабских коней, и многое иное. Но, каждодневно борясь с собственной немощью за право переносить тяготы наравне с солдатами, он не давал себе поблажек.

В глазах людей XVIII века, когда мода на роскошь у состоятельных мужчин достигла высшего предела, а идеалы святых подвижников были отодвинуты салонными идеями Просвещения, сибаритства и вседозволенности, такое поведение выглядело чудачеством. Зачем штаб-офицеру и тем более генералу совершать вместе с солдатами изнуряющие марши, если ему положено ехать в карете? Зачем идти в атаку на самом опасном участке, если можно командовать с предписанного генералу места в тылу?!

Прямого ответа на эти вопросы Суворов никогда и никому не давал. Болезни, с которыми ему приходилось бороться, были скрыты от окружающих. Только денщик, взятый из крепостных крестьян в услужение видел, какой ценой давались Суворову победы. Именно на денщика падала обязанность лечить стертые седлом ноги полководца, унимать кровь из открывшихся ран и делать все возможное, чтобы Суворов, несмотря на тяготы, пребывал в состоянии готовности к «действительной службе».

Борьбу с собой, с собственной слабостью Суворов вел всю жизнь, даже когда стал генералиссимусом. И достиг в этом невиданных высот. Он постоянно стремился к самоотвержению и требовал того же от солдат. «Тяжело в ученье — легко в бою», — говорил Александр Васильевич, приучая себя и своих подчиненных к ежедневным физическим нагрузкам. Для него не существовало непреодолимых преград, будь то сильный противник или природные условия. Он появлялся перед врагом там, где его не ожидали. Посылая солдат в бой на превосходящего силами неприятеля, Александр Васильевич наказывал: «Делайте на войне то, что противник почитает за невозможное». И его «чудо-богатыри» творили чудеса.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекают от искусства.

К тому, что Суворов стал солдатом, а затем и генералиссимусом вопреки своим физическим данным, благодаря одной только силе духа, следует добавить, что он отнюдь не был «золотым мальчиком», сделавшим карьеру с помощью знатных родителей.

Отец записал его сверх штата в лейб-гвардии Семеновский полк 22 октября 1742 года, когда оба чиновных дедушки Александра уже умерли. Сам Василий Иванович дослужился при императрице Анне Иоанновне до гвардии поручика и был «в полевых войсках прокурором». В недолгое царство Ивана Антоновича отец Суворова был определен к «гражданским делам» с невысоким чином коллежского советника. Но в 1741 году дочь Петра I Елизавета с офицерами Преображенского полка, среди которых, видимо, был и Василий Иванович, низвергла младенца-императора и захвативших при нем власть немцев Остермана, Бирона и Миниха. Суворов-старший получил чин полковника и был назначен прокурором Берг-коллегии — горного ведомства, где в то время были распространены взяточничество и произвол.

Записав сына в службу, Василий Иванович, согласно своим убеждениям, вступил в борьбу со взяточниками и казнокрадами, что отнюдь не способствовало карьере. Таким образом, все, что он мог сделать для сына, это определить его в гвардию солдатом без жалования. Взяв для Александра двухгодичный отпуск, Василий Иванович обязался за свой счет обучать его необходимым офицеру наукам и «военной экзерциции» (упражнениям). Будущий полководец 8 декабря того же года получил первый военный документ, оставив расписку: «Подлинный пашпорт я, солдат Александр Суворов, взял и расписался».

В то время Александру уже исполнилось двенадцать лет. Это означало, что от записи в службу, обязательной для дворянских сыновей, по закону нельзя было уклониться. Аристократы могли формально записывать своих детей в тот или иной полк сразу после рождения, но для Александра был уготован другой путь. Он поступил на действительную службу, причем достаточно поздно, что повлияло и на более позднее получение

офицерского чина. Эти обстоятельства оказали сильное влияние на его судьбу, поскольку с производства в чин начинался отсчет «старшинства» для присвоения более высокого звания.

Насколько Суворов отстал в чинах, видно по тому, что фельдмаршал Румянцев, который представляется человеком другого поколения, был старше его всего на пять лет. Екатерина Великая, в 1794 году вне очереди произведя Александра Васильевича в фельдмаршалы, сознавала, что нарушила порядок. По воспоминаниям адмирала Чичагова, самодержица извинялась перед «обойденными» генералами, пытаясь обратить дело в шутку: «Что делать, господа, звание фельдмаршала не всегда дается, иной раз у вас его и насильно берут».

Василий Иванович оттягивал начало действительной службы Александра. Несколько раз продлевал он отпуск, опасаясь за здоровье сына. В результате Суворов отстал от сверстников не на два, а более чем на пять лет, но учения своего не оставлял. Кроме обязательных наук: математики, геометрии, картографии, инженерного дела, артиллерийской и других воинских наук, Александр изучил в доме отца древние и новые языки, историю, литературу, философию, стратегию и тактику. Помимо учебы дома Суворов, «непрестанно совершенствуя себя науками», посещал в 1750–1751 годах старшие классы кадетского корпуса и собрания «Общества любителей российской словесности».

Действительная служба Александра Васильевича Суворова началась 1 января 1748 года, когда «явившийся из отпуска 8-й роты капрал Суворов» прибыл в Петербург. Он с гордостью надел форму Семеновского полка: белые кюлоты и гетры, длинный ярко-красный камзол и зеленый кафтан поверх него. Поначалу будущий военный гений поселился в казармах, а восемь месяцев спустя – в доме своего дяди, поручика Преображенского полка А. И. Суворова.

Более половины солдат в полку были дворянами. Они держали при себе от двух (как у Суворова) до двадцати с лишним слуг мужского и женского пола. На них хозяева возлагали все работы, а в караулы и на учения (проводившиеся лишь в хорошую погоду) посылали вместо себя солдат из крестьян. В отличие от товарищей, молодой капрал нес службу сам.

Обязанностью дворян было участие в придворных праздниках. Устраиваемые с чрезвычайной роскошью увеселения двадцатидевятилетней красавицы императрицы Елизаветы и ее фаворитов считались делом государственным и для гвардии служебным. Пока одни гвардейцы

стояли на карауле в общественных местах, другие должны были заполнять места развлечений императрицы и сопровождающих ее дам.

Суворов, с дамами неловкий, ценил привилегию караульного молчать на посту, будучи тем самым избавлен от необходимости говорить комплименты девицам и оказывать внимание петербургским барышням, ищущим знакомства с военными. Гвардия, состоящая из трех полков пехоты (Преображенского, Семеновского и Измайловского) и конногвардейцев, чьи полковые слободы, застроенные казармами и особняками, занимали целые районы столицы, была прекрасным местом для увеселений и великолепным трамплином для придворной карьеры. Она предоставляла все удобства для удачной женитьбы и позволяла выйти в отставку с высоким чином (при переводе в армию гвардейские чины повышались на две ступени). Однако та же гвардия была плохой школой для армейских офицеров, поскольку гвардейцы не воевали с петровских времен. Впрочем, вся русская армия наслаждалась «возлюбленной тишиной», столь милой императрице, целых семнадцать лет.

Любовь Суворова к службе и неприязнь к придворным увеселениям не способствовали его карьере. Чины и награды жаловались детям тех, кто заработал связи «на паркете». А уж ловкость в обращении с дамами награждалась сверх меры! Александр понимал, что своим поведением он лишает себя возможностей «поймать» высокий чин. И все же продолжал упорно учиться воинскому делу и ждал, когда его труд понадобится Отечеству.

В чине капрала, подпрапорщика, сержанта Семеновского полка Суворов нес караульную службу, сопровождал императрицу в Петербурге и Москве, побывал дипломатическим курьером в Дрездене и Вене, укрепляясь во мнении, что «дисциплина — мать победы». Шесть с половиной лет, проведенных в нижних чинах, полководец оценил словами: «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими». Лишь на двадцать четвертом году жизни он получил обер-офицерский чин поручика в Ингерманландском пехотном полку.

Похоже, что это была отставка, вернее, обычное для гвардейцев преддверие ее. Александр был выпущен поручиком в армию 25 апреля 1754 года, 10 мая получил назначение в полк, а уже 14 мая взял в Военной коллегии, где служил отец, отпуск домой на год. За этим традиционно следовало увольнение дворянина со службы и мирная жизнь в помещицкой усадьбе. Для Суворова это стало бы крушением мечты.

Между тем Василий Иванович получил чин генерал-майора и должность члена Военной коллегии, занимавшейся вопросами обеспече-

ния армии. После отпуска Александр поехал обер-провиантмейстером в Новгород, где приобрел бесценный опыт снабжения войск. Тщательная ревизия складов позволила ему занять пост генерал-аудитор-лейтенанта Военной коллегии. Он рассматривал приговоры военных судов, вплоть до разжалования в солдаты. Нестроевая служба была недолгой, но на этой должности будущий полководец в полной мере познакомился с безобразиями, которые царили в армии. Потом эти знания помогут Александру Васильевичу создать лучшее в мире воинство, а сейчас перед ним открывалась прекрасная возможность для продвижения по службе.

Когда началась Семилетняя война (1756—1763), он был «выпущен в премьер-майоры» для определения в пехотные полки под началом фельдмаршала А. Б. Бутурлина. Но русские войска выступили в поход уже под командой фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Бутурлин же был одним из пяти членов Конференции министров, силившейся управлять боевыми действиями из Петербурга.

К весне 1757 года, когда сто двадцативосьмитысячная русская армия выступила на запад, ее противник, прусский король Фридрих Великий, бил войска австрийцев, французов и шведов. Тактики русских этот мастер в расчет не принимал. Против них он выставил тридцатитысячную армию фельдмаршала Левальда. Апраксин в соответствии с устаревшими военными канонами «распылил» силы. В сражении при Гросс-Егерсдорфе смогли принять участие лишь пятнадцать полков растянувшейся в походе русской армии. Но атакованные на марше колонны генерал-аншефа В. В. Фермора нежданно для врага перешли в наступление; генерал-майор Румянцев провел полки через лес и ударил в штыки. Левальд не был разгромлен лишь потому, что Апраксин не организовал преследование, а затем и отступил из Пруссии, потеряв (в основном от болезней) более десяти тысяч солдат.

Больше года Александр Суворов латал в армии дыры, формируя маршевые батальоны для отправки в Пруссию, и служил комендантом города Мемеля, показав отменную распорядительность. В полках не хватало командиров. Но начальство не представляло себе, как посылать такого щупленького, невзрачного с виду офицера в бой против могучих пруссаков Фридриха.

Отец Александра занимался снабжением армии (именно он заказал для войск полевые иконостасы) и благодаря неподкупной честности заслужил в январе 1758 года чин генерал-поручика. Он желал видеть сына подле себя в интендантском ведомстве, а не на полях сражений,

но все же помог ему оказаться в действующей армии. Получив 9 октября 1758 года чин подполковника Куринского пехотного полка, Александр достиг театра военных действий, но... без войска под командой. Суворов вспоминал, что был при взятии городка Кросен, а в величайшем сражении войны участвовал в должности дежурного офицера при командующем 1-й дивизией В. В. Ферморе.

Тот более полугодом командовал армией, выстоявшей в жестоких боях с Фридрихом. «У меня два отца, — говорил Александр Васильевич, — Суворов и Фермор». Чему же мог научиться Суворов у Виллима Виллимовича? Стремительности. Войска Фермора, наступая зимой, в сильный мороз, преодолевали по двадцать километров в сутки — вдвое быстрее, чем было принято в западных армиях. Застигнутый врасплох Фридрих потерял Восточную Пруссию. Был открыт путь к крепости Кюстрин, где находились продуктовые склады прусской армии. Оттуда русским открывались ворота на Берлин. Фридрих поспешил на спасение сосредоточенных в Кюстрине запасов провианта, запретив гарнизону даже «заикаться о сдаче». Фермор успел с помощью артиллерии уничтожить кюстринские склады, когда на него обрушился разгневанный король. Утром 14 августа 1758 года у деревни Цорндорф развернулось кровопролитнейшее сражение Семилетней войны. Поле боя было иссечено оврагами и окружено лесами, а с трех сторон — еще реками и болотами. Поражение означало гибель. Фридрих объявил: «Мой девиз — победить или умереть, и тот, кто так не думает, может... лететь к черту!» В сражении Фермор был контужен, многие офицеры погибли, генералы получили тяжкие раны, но русские войска держались и контратаковали.

Ход битвы не укладывался в военные каноны. Ни знакомые тактические схемы, ни разработанные Фридрихом для их отражения приемы не сработали. Русская армия устояла. Никто не знал, отчего Фермор, после торжеств и посыпавшихся на него наград, был снят с поста командующего. Прибывший в его штаб Суворов-младший смог поучиться у него еще и смирению, с которым тот принял отставку: Фермор не ушел из действующей армии, приняв командование над одной из дивизий.

Сильное впечатление на Александра произвел новый командующий: шестидесятиоднолетний генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков. Он отличался от всех военачальников, с которыми был уже знаком Суворов. «Это был старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей. Привыкшим к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие

и удивительно казалось. И мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ей против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущою курочкою», — вспоминал А. Т. Болотов.

Но в 1759 году эта «курочка» заклевала прусского орла. Выступив из Польши всего с тридцати девятью тысячами солдат, Салтыков повел наступление так энергично, что «прекрасная и подвижная армия Дона», как сообщили Фридриху, была принуждена к «позорному отступлению перед преследующим врагом». При Пальциге 12 июля русские разбили другого любимца Фридриха — Ведыля. В победной реляции Салтыков, помимо доблести своих солдат, отметил их милосердие. Едва Суворов запомнил этот урок, как Салтыков дал новый, сумев объединиться с австрийской армией так, чтобы союзники не смогли помешать разбить врага.

Салтыков знал силу пруссаков, превосходивших русских в маневре на поле боя, и стойкость своих войск в обороне. У деревни Кунерсдорф 1 августа 1759 года он заставил Фридриха плясать под свою дудку. Король должен был начать «косую атаку», бросив главные силы на слабое крыло русских. Салтыков сделал все, чтобы пруссаки заметили слабость его позиций там, где он хотел.

С возвышенности Суворов наблюдал, как армия Фридриха, атакуя с беспримерной храбростью через неожиданно возникший перед ней овраг, разбивается о русские позиции, которые разместились на трех холмах, находящихся на линии наступления. Он видел гибель лучшей в Европе кавалерии Зейдлица, расстрелянной из пушек в узких проходах между прудами и вырубленной русскими и австрийскими конниками.

Почти до конца сражения Фридрих думал, что побеждает. Один Салтыков, отмахиваясь хлыстиком от вражеских ядер и шутя с офицерами, знал, что король уже разбит. Все его гениальные маневры были предвидены. Суворов, воочию видевший трагедию армии Фридриха, никогда в жизни не будет действовать по шаблону!

Как только король исчерпал резервы, Салтыков начал контратаку, громя сбившихся в толпу пруссаков артиллерией и охватывая их с флангов. Фридрих искал смерти, но верные гусары силой увлекли его с поля битвы. Прусская армия разбежалась, Берлин готовился сдать русским. Война была фактически выиграна.

«Это не я, матушка! — отвечал Салтыков императрице, желавшей чествовать победителя непобедимого Фридриха. — Все это сделали наши солдатики!» Суворов как участник битвы получил медаль с портретом императрицы и надписью: «Победителю над пруссаками». Он тоже будет ставить на первое место заслуги своих солдат. Однако его радость от одоления Фридриха сменилась недоумением.

Полководческая карьера Салтыкова окончилась благодаря предательству союзников. Австрийцы задержали наступление своей армии, стремясь переложить завершение войны на русских. При известии об

отступлении австрийцев Салтыков увел армию в Польшу. Этот «пример» Суворову тоже пришлось запомнить.

После Кунерсдорфа он был назначен обер-кригс-комиссаром, проще говоря, интендантом. Назначение прошло по воле отца, весной 1760 года направленного в действующую армию главным снабженцем. Отец хотел иметь помощника, которому мог безраздельно доверять. Без провианта, который они собирали по разоренному войной краю, армия бы погибла. Василий Иванович в 1760 году стал кавалером ордена Александра Невского и был пожалован в сенаторы. Но сын его рвался на передовую.

После настойчивых просьб Александр Суворов был освобожден императрицей от ненавистной тыловой должности «и определен по-прежнему в полк при заграничной армии». Но... команды вновь не получил и лишь по знакомству состоял на службе у Фермора во время операций 1761 года в Силезии, Померании, а также при взятии Берлина.

ШКОЛА КОМАНДИРА

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешанное с нею военное искусство.

Неведомо, какими путями тридцатилетний Суворов уговорил командира легкого кавалерийского корпуса Г. Г. Берга доверить ему небольшой отряд гусар и казаков. В боях под крепостью Швейдниц отряд взял ключевую высоту. Получив подкрепление, Суворов отбросил от нее четыре полка прусской конницы. Высота осталась в его руках. «Отсюда, — вспоминал он, — весь прусский лагерь был вскрыт, и тут утверждена легкого корпуса главная квартира». Прусские кавалеристы, приученные не только стрелять с шага, но и атаковать холодным оружием на замедленном манежном галопе, были поражены молниеносными атаками и сокрушительным натиском русских конников.

В то время конная сшибка на холодном оружии была давно забытым прошлым. Линейная тактика опиралась на огневую мощь выстроенных в четкие порядки пехоты и конницы, медленно надвигающихся на противника, полинейно производя мушкетные залпы. Лишь немногие, в их числе Суворов, усомнились в опасности огня мушкетов и пистолетов. Огонь был смертелен, только если обе стороны «играли по правилам», сметая залпами линию противника и подставляя свою линию под столь же губительные залпы.

Суворов обнаружил, что залп из пистолетов, мушкетов и даже пушек по быстро движущейся цели был крайне неэффективен. А ускоренное движение вперед, на врага, способное принести победу, оказалось более безопасным, чем любые маневры, не говоря о губительном и впоследствии запрещенном Александром Васильевичем отступлении.

Стремительная атака, ставшая в его глазах залогом победы, сберегала жизни и русских бойцов, и солдат противника. Ошеломленного и разгромленного врага следовало брать в плен. Суворов с этих дней запомнил, сколь малые потери нес он сам и сколько пруссаков, попавших в русский плен, было спасено.

Брошенный наперерез двенадцатитысячному войску пруссаков, корпус Берга с отрядом Суворова в авангарде настиг противника в Польше. У местечка Костяны Суворов вышел на лагерь пруссаков с тыла, пройдя

СОДЕРЖАНИЕ

Никому не равен	5
Детство	7
Начало службы	13
Школа командира	22
Суворовский солдат	28
Война на обочине	36
«Генерал вперед»	44
Война построже	52
«Сии страны оставляю я в полной тишине»	59
Испытания миром	68
«Бить смертельно вперед»	73
Невозможное возможно	81
«Наука побеждать»	88
Спор с императором	94
Освобождение Италии	100
«Русский штык прорвался сквозь Альпы»	107
«Орлы российские облетели орлов римских!»	113
«Здесь лежит Суворов»	119

Для среднего школьного возраста

Андрей Богданов

НЕПОБЕДИМЫЙ СУВОРОВ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редакторы *А. Григорьев, М. Панфилова*. Художник *Г. Метченко*. Дизайн обложки *А. Семенов*. Технический редактор *З. Кондрашова*. Корректоры *Т. Горячева, О. Назаренко, Л. Новицкас*. Верстка *Е. Метченко*. Подписано в печать 09.08.2011. Формат 84х108 1/16. Объем 7,5 печ. л. Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Заказ № . Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08 Магазин: (499) 245-30-68
E-mail: books@rop.ru; Http://www.rop.ru